

опыт, вступая в диалог с разными формами духовной и практической жизни людей, учась на своих поражениях и победах, ученый утверждал ценность истинного познания и самопознания, реализовывал высшие идеалы Истины, Добра и Красоты.

Примечания

- ¹ См. об этом: *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре / пер. с нем., под ред. С. Гессена. 2-е изд. – СПб., 1911.
- ² См.: *Дильтей В.* Собр. соч. Т. 1. – М., 2000; *Описательная психология.* – М., 1994; *Возникновение герменевтики // Собр. соч. Т. IV.* – М., 2001.
- ³ *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод. – М., 1988; *Актуальность прекрасного.* – М., 1991.
- ⁴ См.: *Вебер М.* Избр. произведения. – М., 1990. – С. 459, 495-497, 503-506.
- ⁵ См.: *В. Дильтей.* Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Собр. соч. Т. 1. – М., 2000. – С. 271-272.
- ⁶ См.: *Хвостова К.В., Финн В.К.* Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. – М., 1997. – С. 18.
- ⁷ См.: *Данто А.* Аналитическая философия истории. – М., 2002. Гл. 1. Субстантивная и аналитическая философия истории.
- ⁸ См.: *Поппер К.* Ницета историцизма. – М., 1993; *Данто А.* Аналитическая философия истории. – М., 2002. – С. 19.
- ⁹ См.: *Ильин И.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М., 1996. – С. 201.
- ¹⁰ См.: *Хомяков А.С.* Соч. в 2 т. – Т. 1. – М., 1994. – С. 34.
- ¹¹ Там же. – С. 40.
- ¹² См.: *Яки С.Л.* Спаситель науки. – М., 1992. – С. 220.

Ю.П. КУЛЬКОВ

ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ В МЕЖСУБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ПОЗНАНИИ ПРИРОДЫ (историко-философский анализ)

Познавательная деятельность, подобно любой человеческой деятельности, имеет социальную природу и не существует вне общественных отношений. Являясь репрезентацией как освоенных человечеством форм деятельности, так и предполагаемых ее форм, познание включает в себя многообразие социальных взаимодействий. В рецепции знаний природы следует выделить воздействие на этот процесс социальных взаимодействий в широком и узком смысле. Первые детерминированы их общечеловеческой природой, присущи любой деятельности. Вторые представлены социальными взаимодействиями узкопрофессионального характера, обусловлены спецификой производства естественнонаучных знаний.

Деятельность человека по освоению природы в формах знания вторична и следует за освоением природы в формах организации предметных структур практики: «Люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления»¹. Подобно усложнению отношений между людьми в процессе развития материального производства происходят прогрессивная эволюция, совершенствование межсубъектных отношений в процессе духовного производства знаний.

Исторически этот процесс представлен переходом от производства знаний, вплетенного в материальное производство, к профессиональной деятельности по освоению природы в знаниях. Соответственно, были преодолены нерегулируемые отношения между исследователями природы путем их

замены организацией форм их взаимодействия. В генезисе структур, реализованных в соответствующих формах организации межсубъектных отношений в познании, необходимо выделить следующие этапы:

1) этап простейших форм организации, характеризующийся индивидуальным, кустарным обучением и обменом информацией исследователей природы (единичные коммуникации);

2) этап создания специализированных для обучения и обмена информацией учреждений: пифагорейский кружок, «Академия» Платона – в античную эпоху; школы и университеты – в средневековье (особенное в коммуникации);

3) этап систематической координации исследовательской деятельности ученых путем обмена произведенной информацией о природе в рамках организованного научного сообщества. Получившее наименование общения, оно выступает высшей формой межсубъектных отношений с его существенным отличием от иных информационных отношений когерентностью и взаимосоогласованностью мышления естествоиспытателей².

На всех этапах в познавательную деятельность и в ее результат включен общечеловеческий контекст, общечеловеческие ценности. Достигнутый уровень человеческой культуры входит в осмысление исследуемых объектов природы. Первому этапу предшествует осмысление природы в форме недостоверного предзнания путем создания фантастических мифологем и их включения в интерпретацию образов исследуемого. Как показано в трудах выдающегося исследователя Л. Леви-Брюля, сознание первобытного человека находится целостно во власти коллективистских представлений³. В таких представлениях, во-первых, познавательный, интеллектуальный элемент как бы растворен, слит в эмоциональный элемент; во-вторых, мир дан первобытному человеку как сплошное, целостное, в котором естественное и сверхъестественное, обыденное и мистическое неразличимы одно от другого; в-третьих, сознание подчиняется закону партиципации (сопричастности), оказывается пралогическим или дологическим. Захлестнутое эмоциональной волной, мышление не в состоянии достичь дифференцированного отражения природы и обнаружить противоречивость бытия. Первобытное мышление укоренено в бытии социальных отношений мистического характера.

Развитием практического отношения к природе обусловлено расширение сферы жизнедеятельности человека, подключение к нему, вначале робкое, природных, реальных связей. Распад и разложение первоначальных синтезов, предассоциаций коллективистских представлений обусловлены жизнедеятельностью, опытом, вследствие которого устанавливаются взаимосвязь объектов и овладение логикой взамен фантастической сопричастности. Преодоление абсолютизации мыслительных ассоциаций фантастического толка, постепенное подключение к ним природных связей обуславливает начало дифференцированного отражения объектов. Познание природы обретает возможность обмена полученной информацией о ней, обуславливающее становление межсубъектных отношений для реальной информационной связи в процессе этой деятельности. Особым видением бытия, выделением в нем синкретического единства мистических и природных связей детерминированы социальные отношения людей этого этапа исследования природы. Имевшее место в первобытном обществе пралогическое мышление дополняется логическим, вследствие чего эмоционально-фантастическая форма взаимоотношений людей дополняется межсубъектными отношениями коммуникации. Прежний фантастический «довесок» преодолевается преобразованием в форму монотеистического существа,

способствующего духовному единению исследователей природы в различные формы их организации для кооперативного производства знаний. В условиях отсутствия познавательных норм и правил, религиозная вера в творца становится и «моралью», и основанием единения естествоиспытателей в некоторое сообщество, выполняя функцию предрассудка в этом единении. Им обусловлен постепенный переход от монологичности обмена информацией в процессе коммуникации к диалогичности форм, в единстве которых реализуется кооперация естествоиспытателей.

Третий этап развития межсубъектных отношений характеризуется когерентностью и взаимосогласованностью мыслительных действий исследователей природы. Выделенным в процессе взаимодействия с естественной природой общего предметного содержания, установлением ценностного отношения к природе детерминировано общее в мыслительной деятельности естествоиспытателей. Форма социальной организации естествоиспытателей в целях совместного, взаимосогласованного способа производства знаний исходит из общего в ценностном содержании их мыслительной деятельности. Единство их модельных действий с идеалом и нормативностью в производстве знаний согласуется формами сознательного целеполагания и интеллектуальными ориентациями. Этими чертами характеризуется высшая форма взаимоотношений исследователей природы, называемая общением.

Основанием общения становится форма познавательной жизни субъекта, функционирующая независимо от эмпирической составляющей процесса познания. Не частным качеством субъекта, а обретенной формой, присущей естествоиспытателю с мыследействием в закрытом социокультурном концептуальном пространстве, определяется тип производимых знаний. Форма познавательной жизни естествоиспытателя в этом пространстве оказывается идентичной форме жизни другого, становится надсубъектной характеристикой познавательного процесса. Ею определяется тип используемых познавательных ценностей, реализованных в субъективной вере в достижение успеха в познании природы.

Надсубъектным характером формы жизни естествоиспытателей согласованы их мыслительные действия в рецепции знаний, с выходом на новое качество межсубъектных отношений в исследовательской деятельности. Возможностью не только эпизодического обмена информацией, а взаимообусловленного, взаимосогласованного, взаимодополнительного использования информации в сущности новой форме межсубъектных отношений обусловлено формирование коллективного субъекта. Производство знаний обретает форму сотворчества, а их мыслительные действия новую характеристику – когерентность. Интерсубъективность, кооперация исследователей природы поднимается на высшую форму их взаимоотношений – общения, а сам коллективный субъект обретает форму научного сообщества.

Общение исследователей природы в рамках закрытого концептуального пространства исходит из единой цели – конструирования мыслительных моделей, детерминируемых формой жизни естествоиспытателей. Их мыслительные действия регулируются, контролируются исходящими из нее интеллектуальными ориентациями, парадигмами и проблематиками. Наличием общего в способе мыслительных действий, целенаправленностью модельных действий естествоиспытателей обусловлено становление прототипа производимых знаний. Представленная этими действиями схема метода исследования в конечном счете исходит из предельно общей схемы исследуемой сферы – научной картины мира.

Единой формой жизни членов научного сообщества, объективацией единой социально-познавательной их природы определяется тип мыслительных модельных действий. Эти действия закономерно ведут к конституированию социальных по своей сущности познавательных норм, что нами рассматривается аналогично производству капитала. Именно «капитал не может возникнуть из обращения и так же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении»⁴. Таково и конституирование познавательных норм: они невозможны вне научного сообщества, но невозможны и без наличия некоторых объективных условий освоения естественной природы, исходных из постоянства ценностного отношения к ней. Установление познавательных норм достигается общением исследователей природы в рамках научного сообщества при осмыслении научной проблематики согласно правилам, детерминируемым единством познавательных ценностей. Нормативностью мыслительных действий исследователей природы этап теоретического естествознания сущностно отличается от предшествующей науки.

Функционирование коллективного субъекта естественнонаучного познания – научного сообщества стало предметом исследования социологов во второй половине XX века. Среди многообразных аспектов социологической мысли следует выделить критический анализ содержания теоретического развития науки в контексте и терминах окружающей социальной структуры и ценностей. Научный поиск социологов науки направлен на выявление социальных, экономических и религиозных факторов в воздействии на организацию науки с соответствующим определением ее роли и места в обществе. Это направление представителем западной «социологии науки» Бэн-Дэвид определяет как институционалистское, отличая его от исследования взаимодействующего (*interactional*) аспекта. Исследования социологов науки во втором направлении включают в себя анализ и нахождение закономерностей взаимоотношений групп ученых, рассмотрение коммуникационных сетей в науке и природу структурирования взаимоотношений в специфическом поле науки. Сдвигом науки от лабораторных групп исследователей к коммуникационным сетям различных научных направлений представлена новая ориентация науки на деятельность научного сообщества⁵. В деятельности научного сообщества как коллективного субъекта познания естественной природы социальный контекст выделен триединством гносеологического, аксиологического и социологического аспектов науки.

Западными исследователями социального контекста функционирования науки первыми были подняты проблемы, связанные с формированием, функционированием и развитием форм и способов социальной организации научной деятельности. Впервые вопросы бытия науки и научной деятельности как социального института, внутринаучных социальных механизмов были поставлены Т. Куном в книге «Структура научных революций». Введением понятий «нормальная наука», «парадигма», «научное сообщество» им был обозначен круг внутрисоциальных проблем функционирования науки.

Конституирование «социологии науки» в качестве научной дисциплины в западном ее исполнении происходило путем конкретизации общесоциологических разработок к исследовательской деятельности и сформированных, прежде всего, в концепции структурно-функционального анализа. В частности, при ее формировании были взяты на вооружение идеи эманационной теории (*emanationist theory*) развития науки П. Сорокина, в которой наука рассматривалась как следствие и результат реализации системы

культурных ценностей. В развитии этой науки особая заслуга принадлежит Р. Мертону. «Основные достижения этой науки являются результатом его пятидесятилетнего труда» – подчеркивает Н. Сторер⁶. В «Социологии науки», согласно ее репрезентации западными представителями, научное познание рассматривается как функция социальной активности исследователей природы путем рационального определения выявленных проблем, исходящих из познавательных ценностей⁷. Слабости этой науки, в нашем понимании, проистекают из внеисторического абстрактного рассмотрения познавательных ценностей, из априорного их представления, чем обусловлено как неадекватное понимание причин активности субъекта в познании, так и формирование научного сообщества.

При конкретно-историческом рассмотрении социального аспекта научного познания феномен научного сообщества появляется как продукт определенного этапа исторического развития науки. Мы считаем его появление связанным с устойчивостью мировоззренческой установки субъекта и возникновением высшей формы взаимоотношений ученых – общения. Формирование научного сообщества в качестве коллективного субъекта познания природы является объективным процессом реализации исторической тенденции к повышению эффективности труда в производстве знаний путем ее оптимизации как фактора, способствующего их росту.

Формированию научного сообщества предшествовали этапные достижения в осмыслении коллективного фактора в науке в форме «Я мыслю» Р. Декарта, трансцендентального субъекта И. Канта, «Я» И.Г. Фихте. Выделением надэмпирической и надличностной их сущности подчеркнута кардинальное отличие выдвинутых ими субъектов от индивидуального субъекта.

Из форм ценностей, способствующих естествоиспытателю рецепции знаний определенного типа, возвышается идеал в качестве исторического прообраза решения научных проблем. Он способствует самоидентификации члена научного сообщества с другими благодаря самоидентификации субъекта со сформированной социоприродной реальностью. Самоидентификация и самоопределение в качестве характеристик общения осуществляются обретением естествоиспытателем ценностного сознания как компонентом общественного сознания. Таким подходом мы считаем недопустимым как отождествление общения с коммуникацией с общением, так и абсолютизацию коммуникации в качестве единственного способа существования социального механизма науки⁸.

Общение является высшей формой в исторической эволюции взаимоотношений исследователей природы и в таком качестве способствует формированию социального механизма функционирования науки лишь на этапе теоретического естествознания. В обосновании такого воззрения мы солидаризируемся с М.С. Каганом, выделившим отличительные черты общения от любой коммуникации⁹:

1) общение имеет и практический, материальный и духовный, информационный, и практически духовный характер, коммуникация же (если не иметь в виду другого значения этого термина, когда он употребляется во множественном числе и обозначает пути сообщения, средства связи) является чисто информационным процессом – передачей тех или иных сообщений;

2) общение характеризуется субъект-субъектным отношением, а коммуникация выступает как субъект-объектное отношение; получающий информацию субъект функционирует в нем в качестве объекта;

- 3) общение симметрично, разнонаправленно в межсубъектных взаимодействиях, коммуникация асимметрична и однонаправленна;
- 4) общение диалогично, а коммуникация монологична;
- 5) общению соответствует увеличивающаяся информация, а процессу коммуникации – убывающая.

Человекоразмерным подходом нами предложены дополнения приведенных характеристик общения следующими чертами, не свойственными коммуникации: – общение нуждается в самоидентификации естествоиспытателя; – общение опирается на структурирование самосознания естествоиспытателя; – общение характерно внутренне-субъектным оперированием информацией; – общению присуще сотворчество; – общение исходит из воспитания социально-познавательных качеств; – общение специфично оперированием образцами мышления.

Общение и коммуникация дополняют друг друга на различных этапах формирования научного сообщества: если коммуникации принадлежит ведущая роль при становлении научного сообщества, то общению – в процессе его функционирования. Это так потому, что межсубъектные отношения при коммуникации сводятся к передаче информации и к пассивному ее восприятию, а в процессе общения познающий субъект выступает сотворческой личностью. Соответственны и методы достижения поставленных целей: в коммуникации – передачей информации путем обучения, а в общении – воспитанием естествоиспытателя, активным процессом формирования личностного параметра с соответствующей предынформацией для производства знаний.

Западной «социологии науки» присущ позитивистский подход в обосновании формирования и функционирования социальных механизмов в познании природы. Например, согласно мнению одного из ее представителей М. Рихтера, необходимым условием формирования научного сообщества становится выделение стандартов, образцов мыслительной деятельности, позволяющей науке обрести нормативность.

В нашем понимании, нормативность связана с теоретическим освоением природы. На дотеоретическом и преднаучном (*prescientific*) этапах познания природы выделение культурно-познавательной системы с соответствующими образцами мышления возможно лишь через предположения типа *ad hoc*¹⁰. В этих системах неизбежны эмпирические знания. Им не присуща функция самоорганизации. На этапе теоретического естествознания формированию самоорганизующейся культурно-познавательной системы (без эмпирических дополнений) сопутствует социальный механизм познания природы – научное сообщество. Функционирующее путем межсубъектного общения, научное сообщество базируется на нормативности и культуре. По М. Рихтеру, обретение познанием «культуры» включает в себя: 1) требование доктринального совершенства, выражающееся в ограниченной рационализации приемлемых систем; 2) требование практической используемости абстрактных систем; 3) неузвимость выделенных абстрактных систем к эмпирическим неподтверждениям; 4) конкретность эмпирического вопроса¹¹.

Эти характеристики присущи лишь познавательной сигнификативной системе с типологическим единством знаков. Н. Сторер в духе социологических взглядов Р. Мертона в качестве характеристики обретения познанием культуры с институализацией науки выделяет становление ценностей и нормативности познавательного процесса¹².

Начало социологического «видения» науки Р. Мертон связывает с введением в оборот Р. Бойлем (XVII век) термина «невидимый коллега» (*invisible college*) для представления группы исследователей природы одной ориентации осмысления эмпирических данных¹³. Словом «невидимый» Р. Бойль подчеркнул неявную согласованность действий естествоиспытателей в исследовательском процессе. Они вовлекаются в кооперацию, в структуру ее организации, в нашем обосновании, не декларативно, не документально, а путем их самоорганизации в коллектив на основе сформированного единого ценностного сознания. Непосредственное формирование этой науки, по мнению Р. Мертона, происходило с 1930 по 1950 год в общем русле развития социологической мысли. Ее вдохновители Сен-Симон, О. Конт и К. Маркс, как утверждает он, выделили проблематику этой науки, введя понятие «парадигма» для идентификации базисных концепций, теоретических предположений в естественнонаучных исследованиях. В качестве ядра парадигмы Р. Мертон выделяет фокус взаимоотношений социальных структур и когнитивной структуры вообще и структуры научного знания в частности. Введение парадигмы позволило связать идентификацию и соответствующую оценку основных форм мыслительной деятельности с социально-культурными основаниями науки.

«Социология науки» претерпела эволюцию: от первоначально рассматриваемых ею интеллектуальных ориентаций, парадигм и проблематики к исследованию профессиональной идентичности путем институализации для исследований и воспитания естествоиспытателей, выпуска журналов для распространения научной информации. К перспективным для «социологии науки» Р. Мертон относит исследования проблем о взаимоотношении в производстве научных знаний научного сообщества и окружающего общества, о процессах распределения интеллектуальных интересов. В творческой эволюции самого Р. Мертона С. Блюм отмечает переход «от рассмотрения науки как обусловленной внешними общественными условиями к детальному исследованию социальных процессов, сопровождающих научные открытия и развитие науки»¹⁴.

В решении социологических проблем Р. Мертон исходит из идеи нормативности структуры науки, из исследования динамики норм путем рассмотрения связей и зависимостей познавательных целей и формирования общественных институтов, воздействия на познание внутринаучных и внешних социальных факторов.

«Социология науки» имеет свою предысторию. Как своеобразную точку отсчета для становления социологических идей мы рассматриваем выдвинутую В. Уэвеллом концепцию совпадения индукций (*consilience of inductions*): «... случаи, в которых индукции классов различных фактов совершаются в виде совместных прыжков, принадлежат лишь наилучшим образом устроенным теориям, имеющимся в истории науки. И я имею случай отразить эту черту в ее очевидности как свободу описания особой фразой, и ее термин будет совпадением индукций»¹⁵. Представлением индукции в виде предположительного процесса В. Уэвелл радикально изменил традиционное ее понимание, представленное перечисляющей и элиминирующей ее разновидностями Ф. Бэкона и Д.С. Милля. Для проверки ее достоверности им развита выдвинутая Д. Гершелем идея независимой или дополнительной поддержки успешного предсказания явлений природы. Гипотезы, которые успешно предсказывают прежде неизвестные (или удивительные) процессы становятся до-

стоверными. Такой успех он связывает с внутренним шифром интеллектуального действия.

Подобным представлением индукции В.Уэвелл внес свой вклад в развитие знания индукции. Согласно его представлению, новая концепция вводится не случайно, не неожиданно, не вследствие ее очевидности, а исходит из достигнутой ступени всеобщности абстракции и возможности генерализации. Достоверность индукции обеспечивается успешной связью фактов с соответствующей им концепцией. По В. Уэвеллу, индукции совпадают: 1) если гипотеза в состоянии объяснить два и более известных класса фактов; 2) если гипотезой предсказываются случаи, отличные от тех, которые уже были осмыслены в форме этой гипотезы; 3) если гипотеза обеспечивает успех в рассмотрении явлений, не объяснимых на основе прежнего знания. Совпадение индукции он считает необходимым и достаточным критерием их истинности. В. Уэвелл рассматривает формирование гипотезы как дешифровку неизвестного языка, о чем следует судить по энергии (power) успешного предсказания. Включение свидетеля, полагает он, есть важный момент процедуры проверки совпадения, и что с включением двух независимых свидетелей уверенность в истинности гипотезы увеличивается. Процедура совпадения индукций им рассматривается как критерий формирования подлинной науки о природе. Этой процедурой он характеризует становление индуктивной эпохи в познании. Прекращение совпадений индукций означает исчерпание исследовательскими традициями своего статуса.

В таких чертах исследовательского процесса, как признание шифра гипотезы, необходимость ее независимой поддержки, утверждение всеобщности абстракции для проведения процедуры индукции, мы усматриваем конструирующие характеристики его организации. В этом В. Уэвелл испытал влияние идеи Д. Юма о единообразии природы как необходимого условия проведения процедуры индукции. Придавая познавательной деятельности предположительный статус, В. Уэвелл рассматривает науку как процесс и результат социальной активности познающего субъекта. Достоверность мышлений естествоиспытателя достигается включением независимого свидетеля. Таким подходом В. Уэвелл предвосхитил прообраз научного сообщества. Основная слабость его учения во внеисторическом абстрактном подходе к исследованию социологического аспекта науки, исходящего из игнорирования исследования оснований активности исследователя природы.

В предыстории «социологии науки» как особое «звено» (на что обращено внимание Р. Мертоном) следует выделить концепцию «предположительного» знания К.Р. Поппера. Мы рассматриваем концепцию К.Р. Поппера как своеобразный мост, соединяющий концепцию совпадения индукций В. Уэвелла с непосредственными идеями «социологии науки». Философия К.Р. Поппера была подвергнута глубокому критическому анализу со стороны отечественных исследователей методологических проблем науки¹⁶. В формировании «социологии науки» концепция «предположительного» знания К.Р. Поппера сыграла позитивную роль, рассмотрев науку как результат интеллектуальной активности. Из этого исходит его критика неопозитивистской формы обоснования эмпирической проверки теоретических положений, отождествления логики научного открытия с индуктивной логикой¹⁷. Он обосновал правомерность дедуктивного метода в науке, в котором присутствует и иррациональное в виде творческой интуиции. К таким взглядам К.Р. Поппер подошел анализируя специфику научных предложений как ингредиентов причинного объяснения:

– универсальные предложения включают в себя содержание гипотез о характере естественных законов;

– в единичных предложениях представлены частные вопросы, рассматриваемые им в качестве начальных условий.

По утверждению К.Р. Поппера, «из универсальных предложений в конъюнкции с начальными условиями мы дедуцируем единичные предложения»¹⁸. Универсальные предложения характеризуются им как проблематичные суждения; как результат выбора они представляют собой догадку, предположения, в принципе опровержимые. Принципиальная опровержимость или фальсифицируемость выдвигается К.Р. Поппером в качестве критерия научной достоверности: «Только в случае фальсифицируемых систем, согласных с нашими правилами эмпирического метода, возможно их противопоставление конвенционалистским стратегемам»¹⁹. Согласно его воззрению, теории эмпиричны, если они опираются на единичные базисные предложения, дедуцируемые из этих теорий: «Теория должна быть названа эмпирической или фальсифицируемой, если она делит класс всех возможных базисных предложений недвусмысленно на следующие два непустых класса: 1) класс тех базисных несовместимых предложений (или тех, которые запрещены), представляющих класс потенциальных фальсификаторов теорий; 2) класс базисных непротиворечивых предложений (или тех, которые разрешены). Можно сказать кратко: «Теория фальсифицируема, если класс ее потенциальных фальсификаторов не является пустым»²⁰. Классом потенциальных фальсификаторов предопределяется, по терминологии К.Р. Поппера, ступень суровости проверки теории. Соответственно, достоверность теории недостижима и следует стремиться лишь к их правдоподобию, ибо в них функционируют и универсальные предложения с их предположительной сущностью. Поэтому знание постижимо «только как специальный вид мыслительной сущности, или как предрасположение, или как специальный вид веры, характеризуемой, например, историей или отношением к другим верам»²¹. Его вывод: постижение знания есть психологическая проблема, означающая, что необходимо «путем повторения представить или вообразить регулярность в себе, что и приводит к воображению регулярности в мире»²². Ее решение – в сфере активной деятельности в форме предположений и опровержений, в применении метода проб и ошибок.

К.Р. Поппер обосновывает достижимость выделения рационального из иррационального: «Наука должна начинаться с мифов и с критики этих мифов; но не с совокупности наблюдений или включения экспериментов, а путем обсуждения мифов или логических приемов. Научная традиция достижима из ненаучной»²³. В различении рациональной или научно-теоретической конструкции от ненаучных (фантастических, мифологических и т.д.) К.Р. Поппер исходит из принципа фальсификации. По его мнению, в целях достижений рациональности необходимы:

1) демаркация науки и примитивной магии: «мы должны отбросить точку зрения, что вера в науку иррациональна, как вера в примитивной практике магии»²⁴;

2) критическое осмысление науки путем включения в ее анализ наблюдаемых данных;

3) исследование рациональности теоретической конструкции для научных и практических целей.

Признав возможность достижения рациональной веры в научных исследованиях, он, в силу методологических убеждений, не в состоянии ее теоретически обосновать. А именно, в правдоподобном представлении научного знания своеобразно выражен определенный его скептицизм относительно самого результата познавательной деятельности исследователей природы.

Этот скептицизм реализован выдвинутой им концепцией «третьего мира», рассматриваемой как некий идеал для эволюционного приближения к объективному знанию путем предположений и опровержений. «Третий мир» представлен К.Р. Поппером как логическое содержание теорий: «образцами объективного знания являются теории, опубликованные в журналах и книгах и хранимые в библиотеках»²⁵. Объективное знание рассматривается им в качестве своеобразной парадигмы для теоретического знания. «Третий мир» – это как бы независимо функционирующая совокупность идей и концепций, в которой выражен идейно-мыслительный потенциал человеческого общества. Специфика «третьего мира» в том, что это незапланированный продукт человеческой деятельности, имеющий как бы автономный статус. Этот «мир» активно воздействует на производство научных знаний, определяя их типологическую окраску. Так, активный процесс производства научных знаний, представляя собой результат духовного опредмечивания второго или субъективного мира, покрыт «зонтиком понимания» в форме отношения к объектам «третьего мира»: «Мой центральный тезис состоит в рассмотрении любой интеллектуальной активности в понимании как зависимой в основном, если не в полном смысле слова, от предшествующего анализа нашего восприятия структурных целостностей «третьего мира»»²⁶. «Третий мир» становится мерой оценки понимания, определяющего формирование научного сообщества. Функционирование научного сообщества – следствие и результат бытия «третьего мира».

Выдающаяся заслуга Т. Куна – в выдвижении идей для формирования западной «социологии науки». Как подчеркивают Р. Мертон и Л. Лаудан, настоящим идеологом этой науки следует считать Т. Куна²⁷. Для обоснования функционирования социального механизма научно-познавательной деятельности Т. Куном выдвинута идея существования нормальной науки и аномалий в научных исследованиях. Нормальная наука характеризуется им как период относительно спокойного развития науки. В это время исследователь при решении естественнонаучных проблем исходит из парадигмы: «Под парадигмой я подразумеваю признанные научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения»²⁸. Известна критика парадигмы²⁹. Мы же отметим мировоззренчески-информационную сущность парадигмы. В качестве репрезентанта определенности мировоззрения ею информационно регулируется, управляется процесс производства естественнонаучных знаний. Исследователь, воспринявший некоторую парадигму, неявно и стихийно участвует в формировании научного сообщества, ибо придерживается в научном творчестве одних и тех же методологически-мировоззренческих установок при решении научных проблем. Этим обеспечивается сотворчество членов коллективного познающего субъекта – научного сообщества. Отметим, что нечеткостью и многозначностью парадигмы обусловлены затруднения в понимании методологии ее формирования и соответственно раскрытия взаимосвязи функционирования научного сообщества с определенной парадигмой.

Трудами В. Уэвелла, К.Р. Поппера были созданы предпосылки формирования «социологии науки» путем научного обоснования философско-гносеологического аспекта этой науки. Заслуга Т. Куна – непосредственная постановка социологических проблем научного познания с основными положениями и очертаниями содержания «социологии науки». Обоснованием соответствующего этой науке предмета исследования, определением круга исследуемых проблем характеризуются труды Р. Мертона, М. Рихтера, Л. Лаудана, Д.М. Займана и др. Ими признано, что основное содержание «социологии науки» вытекает из исследования деятельности субъекта в естественнонаучном познании, его активности в производстве научных знаний. «Наука есть мастерство человека по производству окружающего его мира», – утверждает Д.М. Займан³⁰. Р. Мертон и Д. Гастон рассматривают ее в качестве науки, занимающейся интердисциплинарной, социальной стороной изучения науки или науки о науке³¹. «Наука представляет собой активность по разрешению проблем», – заявляет Л. Лаудан³². По справедливому замечанию Д. Займана, активность в науке, в противоположность искусству и религии, не может стать деятельностью одиночек типа Робинзона: «Исследуя природу науки, мы должны рассмотреть условия, которые объединяют ученых: как они организованы и как информация проходит между ними»³³.

Западная социология науки представлена двумя подходами в объяснении роста знания. Рациональной версии его интерпретации придерживаются И. Лакатос, К. Поппер, Л. Лаудан и др. Наиболее видной фигурой иррационального понимания роста знаний является Т. Кун. По мнению выдающегося представителя рационалистического направления Л. Лаудана, наука нацелена на решение проблем, что зависит от теоретического видения мира, от принятых методологических норм. Поэтому субъективными предположениями о сущности исследуемой реальности и, соответственно, о методах теоретического решения выявленных проблем определяются исследовательские традиции. Их эволюцией он объясняет рост знаний. В качестве основного социологического вопроса Л. Лауданом выдвинута проблема согласия ученых в исследовательской деятельности. Им намечен путь ее решения иерархической моделью познавательного процесса с тремя взаимосвязанными уровнями: фактов; методологический; аксиологический.

В достижении согласия, по Л. Лаудану, необходимы: во-первых, согласие относительно исследуемых фактов путем их селекции и отделения ценных от неценных; во-вторых, преодоление методологических расхождений путем использования лишь определенных приемов и процедур в исследовательской деятельности; в-третьих, выработка согласия относительно познавательных намерений и целей. Существенно, что Л. Лаудан выработке целей и намерений придавал первичную функцию по отношению к методологии и выделению фактов, ибо в его воззрении в аксиологическом уровне представлены фундаментальные цели и ценности научного познания. Таким подходом он неявно придает субъекту решающую роль в познании. Выбором целей и ценностей обусловлена теоретическая активность субъекта и методологическая рефлексия. Аксиологическим содержанием определяется целостность познания и рост знания. Парадигма Т. Куна – синтез аксиологии, методологии и теоретического знания.

Иерархической моделью Л. Лаудан разрешает противоречие между К. Поппером с его «третьим миром» и Т. Куном с его парадигмой. Однако, как отмечено им, «не существует в природе познавательных целей, прида-

ющих им внутренний иммунитет критицизму и модификации»³⁴. По его мнению, эти цели не поддаются рациональному обоснованию, что приводит к возможности постановки научной общественностью утопичных целей и их противопоставления настоящим рациональным мыслительным ценностям.

Итак, формирование «социологии науки» представляет своеобразное зеркало, отражающее достижение наукой культуры, наступление цивилизованного этапа производства научных знаний в теоретических изысканиях. Историческим формированием образцов мыслительного процесса путем абстрагирования ценностного отношения к природе, выделения определенности научно-познавательных ценностей с общественной формой их функционирования нами обосновывается становление научного сообщества с внутренней взаимной самосогласованностью мыслительных действий его членов. Межсубъектными информационными взаимоотношениями осуществляется способ существования научного сообщества. В этой информации представлена программа производства потенциально возможных знаний, прогностическая функция о типе этих знаний. Память будущего заключена в нейродинамических структурах субъекта, сформированных в условиях его деятельности в пределах социоприродной реальности. Из идентичности таких структур, а значит, и форм познавательной жизни для членов научного сообщества исходит неформальная организация и функционирование когерентности их мыследействий. Процессы с существенной их зависимостью от предыстории получили наименование немарковских. Таковым является социальный процесс организации производства научных знаний в рамках функционирования культурно-познавательной системы «научное сообщество – социоприродная реальность».

Примечания

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 3. – С. 25.
- ² Содержание категории «общение» путем сравнительного анализа с коммуникацией раскрыто М.С. Каганом (Каган М.С. Мир общения. – М.: Политиздат, 1988. – С. 143-144). В исследованиях Л.А. Микешиной, В.А. Лекторского и др. межсубъектные отношения характеризуются категорией «коммуникация» (См., например: Микешина Л.А. Философия познания. Полемика главы. – М.: Прогресс – Традиция. 2002; Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание. – М.: Наука, 1980; Он же. Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- ³ См. об этом: *Levy-Bruhl L. Les Fonctions dans les societies inferieures.* – Paris: Librairie Felix-Aldan, 1922; *Леву-Брюль Л. Первобытное мышление.* – М.: Атеист, 1930; *Леву-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении.* – М.: Гос. антирелигиозное изд-во, 1937 и др.
- ⁴ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т. 23. – С. 176.
- ⁵ См.: *Blume S. Sociology of sciences and sociologies of science // Perspectives in the sociology of science.* John Willy & Sons – Chichester. – N.Y.; Brisbane; Toronto. 1977. – P. 1.
- ⁶ *Storer N.W. Introduction // Merton R. The Sociology of Science.* – Chicago, L.: The Univ. of Chicago Press, 1973. – P. 11.
- ⁷ См.: *Ziman I.M. Public Knowledge.* – Cambridge: Univ. Press, 1968. – P. 10; *Laudan L. Progress and its Problems.* – Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1977. – P. 2.
- ⁸ См. об этом: *Мирский Э.М., Садовский В.Н. Проблемы исследования коммуникаций в науке // Коммуникация в современной науке.* – М.: Прогресс, 1976. – С. 5-6; *Лекторский В.А. Указ. соч.* – С. 18.
- ⁹ *Каган М.С. Мир общения.* – М.: Политиздат, 1988. – С. 143-144.
- ¹⁰ *Richter M. Science as a cultural process.* – Cambridge; Massachusetts, 1972. – P. 67-68.
- ¹¹ Там же. – P. 71.
- ¹² См.: *Storer N.W. Introduction // Merton R. The Sociology of Science.* – Chicago; L.: Univ. of Chicago Press, 1973. – P.15.
- ¹³ См.: *Merton R. The Sociology of Science An Episodic Memoir // Merton R. Gaston I. The Sociology of Science in Europe.* – L.; Amsterdam: Southern Illinois Univ. Press, 1977. – P. 5.

- ¹⁴ *Blume S.* Sociology of sciences and sociologies of science // Perspectives in the sociology of science. – Chichester: N.Y.; Brisbane; Toronto: Willy & Sons, 1977. – P. 2.
- ¹⁵ *Whewell W.* The Philosophy of the Inductive science. – N.Y.; L.: Johnson Reprint Corporation, 1967. – V. 2. – P. 65.
- ¹⁶ См.: *Серов Ю.Н.* Концепция «предположительного» знания Поппера // Позитивизм и наука. – М.: Наука, 1975; *Мамчур Е.А.* Проблема выбора теории. – М.: Наука, 1975; *Лекторский В.А.* Субъект. Объект. Познание. – М.: Наука, 1980.
- ¹⁷ *Popper K.R.* The Logic of Scientific Discovery. – N.Y.: Science Editions, 1961. – P. 28.
- ¹⁸ Там же. – P. 60.
- ¹⁹ Там же. – P. 84.
- ²⁰ Там же. – P. 86.
- ²¹ *Popper K.R.* Conjectures and Refutations. – N.Y.; Evanston: Harper Torch books, Harper & Row Publishers, 1968. – P. 225.
- ²² Там же. – P. 46.
- ²³ Там же. – P. 50.
- ²⁴ Там же. – P. 57.
- ²⁵ *Popper K.R.* Objective Knowledge. – Oxford: Clarendon-Press, 1972. – P. 73.
- ²⁶ Там же. – P. 166.
- ²⁷ См.: *Merton R.* The sociology of science. – Chicago; L.: The Univ. of Chicago Press, 1973; *Laudan L.* Science and Values –Berkeley; Los Angeles; L.: Univ. of California Press, 1984.
- ²⁸ *Кун Т.* Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – С. 11.
- ²⁹ См.: *Masterman M.* The nature of a Paradigm // Criticism and the Growth of Knowledge. – Cambridge: Univ. Press. 1970. – P. 59-91.
- ³⁰ *Ziman J.M.* Public knowledge. – Cambridge: Univ. Press, 1968. – P. 2.
- ³¹ *Merton R., Gaston J.* The sociology of science in Europe. – L.; Amsterdam: Southern Illinois Univ. Press, 1977. – P. 9.
- ³² *Laudan L.* Progress and its Problems. – Berkeley; Los Angeles; – L.: Univ. of California Press. 1977. – P. 11.
- ³³ *Ziman J.M.* Указ. соч. – P. 10.
- ³⁴ *Laudan L.* Science and values. – Berkeley; Los Angeles; L.: Univ. of California Press.1984. – P. 62.

М.Ю. БИЛАОНОВА

ГЕРМЕНЕВТИКА И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ*

Герменевтический подход и его методологические решения, осознанно или нет, применяются практически каждым исследователем-гуманитарием, столкнувшимся с проблемой интерпретации. Имея дело с текстом, историческим источником, мы пытаемся понять автора, его точку зрения и передать ее в культуру современным языком, при этом стремимся понять и раскрыть историческую обстановку, жизненные реалии, в которых бытийствовал и формировался автор. Авторское видение событий детерминировано определенной культурной средой, политической ситуацией, нравственной и мировоззренческой позицией. И задача исследователя – «понять» чужое слово. Герменевтика имеет целью «установление ценностных, диалогических отношений понимания, сознания, сочувствия, соучастия»¹.

Следует отметить, что гуманитарий своими интерпретациями исторических текстов берет на себя обязательства точного истолкования, понимания, верных интерпретаций (условно верных, т.к. они никогда не лишены признаков субъективных оценок). Так, философские тексты древних мыслителей являются важнейшими духовными источниками современной культуры. Из них мы узнаем о содержании философских идей, концепций. Без текстов изучать историю философии (и историю науки вообще) просто не-

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект №06-03-00245а.